

Елена Арсеньева

Ни за что и никогда (Моисей Угрин, Россия)

Часть сборника
*Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*

Елена Арсеньева
Ни за что и никогда
(Моисей Угрин, Россия)
Серия «Преступления
страсти. Месть за любовь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161596

Эксмо; Москва;

Аннотация

«— Отче, преподобный отче, помоги мне! Исцели душу мою, освободи тело мое и разум мой от искушения нечистого! Ибо горю я в огне сладострастия и нет сил моих сдержать томление членов моих! Дьявол искушает меня, демоны его окружили меня и сводят с ума, жгут огнем медленным, пытаются и мучают...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Елена Арсеньева

Ни за что и никогда

(Моисей Угрин, Россия)

1

– Отче, преподобный отче, помоги мне! Исцели душу мою, освободи тело мое и разум мой от искушения нечистого! Ибо горю я в огне сладострастия и нет сил моих сдержать томление членов моих! Дьявол искушает меня, демоны его окружили меня и сводят с ума, жгут огнем медленным, пытаются и мучают...

– Молчи, – хрипло перебил старик в черном рубище, сидевший на земляном ложе, выдолбленном в стене пещеры. Именно благодаря этим пещерам, по-церковному говоря – печерам, и звалась Печерской новая обитель, устроенная силами преподобного Антония в Киеве, матери городов русских. – Молчи... Что знаешь ты о муках? Что знаешь о пытках? Что знаешь о томлении?

Молодой монах, стоявший перед ним с отчаянно стиснутыми руками, рухнул на колени. Глаза его смотрели с отчаянной мольбой, и старик в черном рубище медленно раздвигал

¹ В трактовке событий его жизни и особенностей характера автор придерживается точки зрения, высказанной В.В. Розановым в книге «Люди лунного света» и Н.И. Филиным в труде «Моисей Угрин – «дважды святой».

нул в улыбке сухие тонкие губы:

– Хорошо, если ты просишь меня о помощи, я помогу тебе. Но готов ли ты к боли?

– Я готов на все, что угодно, только бы избавиться от демона блуда, который гложет меня постоянно! – вскричал монах, и в голосе его зазвенели слезы.

Старик протянул руку к посоху и приподнялся, опираясь на него. Вот уж много лет он и шагу не мог сделать без него. С тех пор как лежал, почти бездыханный, а кровь по капле вытекала из его тела, думал, что и вовсе не выживет... но ничего, выжил и до сих пор живет, одолев свои сомнения и скорби. Небось и этот молодой дуралей одолеет!

– Приблизься, сыне, – велел старик.

Монах послушался.

– Свлеки одежды твои и обнажи тело твое.

Молодой монах, помедлив, все же развязал вервие, которое поддерживало его рясу. Глазам старика предстало обнаженное тело, иссушенное постом, однако сильное, крепкое... и уд торчал совсем не по-монашески: не знающий смирения и покаяния, ничем не умиряемый, обуреваемый злой похотью уд.

Старик вздохнул, глядя на него, потом отвел глаза и посмотрел на плоский, сильный живот монаха. Снова сел, крепче упер ноги в земляной пол и, резко взмахнув тяжелым посохом, с силой ударил по этому животу... в самом низу, в пах.

Жуткий крик вырвался изо рта молодого монаха, и он рухнул к ногам старика, обеспамятев от страшной боли.

Теперь оставалось только ждать, пока страдалец очухается. Старик с терпеливым вздохом отложил жезл и принялся умащиваться на своем убогом ложе.

Зашаркали торопливые шаги, и в келейку ворвался монашек, которому было наложено послушание ходить за преподобным. Одного взгляда достало ему, чтобы понять, что произошло. Покачал головой, глядя на лежащего в беспмятстве брата во монашестве. Не впервые видел он подобное... небось и еще увидит. Суров способ, коим врачевал преподобный от искушений плоти, зато надежен. Очухается брат – и более никогда не возгорятся чресла его вожелением.

Преподобный Моисей знал, что делал.

– Ништо, – пробормотал между тем старик, глядя на молодой уд, который безжизненно сник, обратившись в жалкое свое подобие. – Теперь тебе полегчает! По-хорошему, оно конечно, булатный вострый ножичек лучше всего лечит, однако ж кровищи-то сколько нальется... Ништо, и так ладно будет!

Келейник зябко содрогнулся. Преподобный знал, что делал, знал, о чем говорил... Ох, нет, не приведи Господи еще кому-нибудь изведать такое!.. Ведь когда-то он пережил жестокую, мучительную казнь... однако вовсе не за то, что возгорелся блудными помыслами и осмелился возжелать сосуда скудельного, вместилища греха, именуемого женщиной.

Нет! Кара постигла его именно за то, что той женщины он не желал. И не мог желать.

* * *

Эта история приключилась на Руси в самом начале XI века. В год 1015 от Рождества Христова, лишь только умер князь Владимир Киевский, нагрешивший при жизни без меры, однако все же названный Святым за то, что Русь крестил, и сыновья его начали борьбу за власть – борьбу кровавую. Ну что было бы Владимиру назначить наследника киевского стола! Старшим родился Святополк, но отец не назвал его своим преемником, а потому Святополку пришлось отстаивать свои владения и права. На пути стояли пятеро братьев – Ярослав, Борис, Глеб, Святослав и младший, Судислав. Святополк разделался со Святославом, Борисом и Глебом, однако с Ярославом было справиться не столь просто: он изгнал Святополка, а через некоторое время заточил в тюрьму последнего своего брата, Судислава, и стал полновластным правителем Руси.

Однако не о Ярославе, который позднее будет назван Осмомыслом, пойдет сейчас речь, и даже не о несчастном Святополке, прозванном Окаянным, вернее, Ока’янным, то есть Оха’янным, покрытым дурной славой, хотя без упоминания о нем не обойтись. Вообще же братья Владимировичи интересуют нас сейчас лишь постольку, по-

сколько у князя Бориса служили два отрока-угрина, то есть венгра (уграми называли венгров в старину), а звали тех отроков Георгий и... неизвестно имя второго, знаем мы о нем лишь то, что он позднее прославился как святой Ефрем Новоторжский. Звать его изначально Ефремом никак не могли, ибо все монашествующие принимают другие имена. Впрочем, и его судьба нам не столь интересна. Поговорим-ка лучше о Георгии.

Он слыл любимчиком князя Бориса. В те времена предметы роскоши были редкостны и дороги, однако князь не пожалел для Георгия золотой гривны, тяжелого ожерелья, выкованного из золотых пластин нарочно для него. Дороже всего на свете был для князя этот юнец, когда-то попавший в русский плен, а потом выкупленный вместе с другим молодым венгром – ну, с тем самым, которого позднее назовут Ефремом. Тот был всего лишь умен, расторопен, услужлив, а вот Георгий... Он был невероятно красив, и удивительно ли, что Борис, который был большим ценителем всего красивого и изящного, возлюбил его, как гласит летопись, «паче меры»? Да и сам Борис был красавец, каких мало, и, опять же, нет ничего удивительного в том, что обласканный им отрок смотрел на своего князя с восторгом, любовью и самозабвенной нежностью. В те поры молодые мужчины рано приобщались плотских радостей... любая пленница, невольница тотчас становилась наложницей, однако женские прелести никак не прельщали Георгия. И дело не только в том, что он

был еще юн... слово «отрок» означает не только и не столько года его, сколько «служебное положение». Молодежь, повторимся, в те времена взрослела рано – и в любви, и в боях. Не смотрел Георгий на женщин лишь потому, что для него во всем мире существовал только один человек – его князь.

И вот наемники Святополка ворвались в шатер Бориса и пронзили его мечами. Вне себя от горя, Георгий рухнул на его тело, восклицая:

– Я не оставлю тебя, господин мой дорогой! Если красота тела твоего увяла, то и я готов умереть.

С этими словами он выхватил кинжал, чтобы заколоться, однако смерть красивого мальчишки не входила в расчеты убийц. Красота и юность ценились так же дорого, как золото! А потому с полубесчувственного Георгия стащили золотую гривну, а самого его связали и бросили на телегу, чтобы продать на первом же торжище невольничьем.

Другого молодого венгра при этом не случилось. Он отъезжал куда-то по поручению князя, а когда вернулся, нашел только несколько трупов, валявшихся близ княжьего шатра и обобранных до нитки. Среди них лежало чье-то обезглавленное тело, и юноша подумал, что, возможно, тело Георгия... Стали искать голову, чтобы воссоединить ее с телом для погребения, но не нашли, да так и похоронили тело обезглавленным, полагая, что схоронили именно Борисова любимца.

Потом родится легенда: убийцы-де не смогли справиться

с застежкой золотой гривны и, чтобы ею завладеть, отсекли голову Георгия и забросили ее невесть куда. Согласно той же легенде, спустя много лет потерянная голова была-таки обнаружена вторым венгром, «братом» Георгия, святым Ефремом Новоторжским, легендарным основателем Новоторжского Борисоглебского монастыря. Голова оказалась нетленной. Умирая, Ефрем завещал положить ее в могилу, что и было сделано. Но по открытии мощей святого головы Георгия на месте не оказалось...

Удивительно, что нетленные мощи, бывшие чудом и достоянием церкви во все времена, Ефрем повелел зарыть в могилу, словно самый обычный труп. Удивительно и другое: как она могла исчезнуть, эта реликвия?

Да никак она не исчезала. Потому что не было ее никогда в могиле. Нельзя похоронить то, чего нет – голова-то Георгия довольно крепко сидела на его плечах!

Настолько крепко, что он умудрился очнуться на той телеге, которая везла его на невольничий рынок. И не только очнуться удалось ему, но и сбежать. Спасти от неволи!

Путь его лежал в Киев, где он надеялся найти укрытие у сестры обожаемого погибшего князя Бориса – у княгини Предиславы Владимировны. Израненный, измученный, он наблюдал, как восторжествовал над Святополком Ярослав и вернул себе Киев – на целых три года. Но князя Бориса было не вернуть, поэтому Георгий пребывал в тоске и унынии. Однако уже в августе 1018 года Святополк, которого поддер-

живал его тесть, польский круль Болеслав Храбрый, вновь отвоевал наследственный престол. Польское войско разгромило Ярослава и почти без сопротивления вошло в Киев... Как ни странно, Святополк был любим горожанами за удаль и щедрость. Но при этом был он мстителен: без спора отдал Болеславу в наложницы сестру свою Предиславу, которая поддерживала Ярослава, а не его, Святополка. Ну что ж, за помощь надо платить, а женщины хорошего происхождения, образованные и воспитанные, в ту пору считались дорогим товаром, вполне эквивалентным хорошему военному отряду!

Разумеется, одной Предиславой дело не ограничилось. Болеслав потешил свое тщеславие, «посидев» на троне Владимира, а также прихватил «червенские города» (западную область Руси). Он получил еще и изрядное количество золота, и несколько тысяч рабов – в том числе Георгия. Теперь его уже никто не называл по имени: ведь имя – привилегия свободных людей. Он стал просто Угрин (или просто Венгр, как сказали бы мы сейчас). Оставим же за ним это имя до тех пор, пока пленник еще не отрешился от мира и не обратил свои взоры только к Богу.

Итак, Польша, или Ляшская земля, как ее называли порою... Король Болеслав подарил Венгра одному из своих верных военачальников, и тот не мог нахвалиться исполнительным и старательным рабом. Венгр, подобно всем своим

современникам, четко осознавал свое место и подчинялся своей участи. Если ты раб – значит, служи хозяину. Хорошо служишь – хозяин тебя бережет, в досталь кормит и поит, платит щедро... Разве плохо? Нужно ли менять это положение на неверную жизнь беглеца – гонимого, словно дичь, порою затравливаемого до смерти? Венгру не свойственна была тоска по далекой, забытой родине, не тосковал он также и по семье, да и память о любимом князе начинала меркнуть, ибо время все лечит. Он отыскиал друзей среди других рабов, и, как могли, они скрашивали и облегчали друг другу жизнь на чужбине, приноравливаясь к ней по мере сил. Порою Венгр думал, что не так уж плохо складывается его судьба... Он жил одним днем, так жили многие. Сегодня сыт – ну и ладно. Не свалил тебя мор – ну и благодари за это Бога, значит, хранит он тебя от бед и испытаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.